ЖИВОПИСНЫЕ ВИДЫ
МОСКОВСКИХЪ
МОНАСТЫРЕЙ

СЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ
И
СОВРЕМЕННЫМЪ ОПИСАНІЕМЪ ВСЕГО ЗАМѢЧАТЕЛЬНАГО ВЪ КАЖДОМЪ.

С. Любецкаго.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.
1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 23 дня 1845 года.

Ценсоръ *В. Флеровъ.*

ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ.

Близь заставъ Калужской и Серпуховской, за шламбаумами которыхъ стелятся широкія столбовыя дороги на благословенный югъ — бѣлѣются стѣны и высятся красивыя, громадныя зданія *Донскаго монастыря.* Видъ на него съ наружной и внутренней стороны Москвы — прекрасенъ, особливо подъѣзжая къ Москвѣ съ Серпуховской или Калужской дороги, съ такъ называемой *Поклонной горы*: тутъ предъ вами развертывается дивная панорама безграничной Москвы: колокольни, какъ мачты, вонзаются въ небо свѣтлыми шпилями, а золотыя главы церковныхъ куполовъ будто плаваютъ въ широкомъ, воздушномъ пространствѣ. Донской монастырь съ южныхъ дорогъ виднѣе всѣхъ строеній и храмовъ возвышаетъ предъ путешественникомъ стройныя зданія свои; при взглядѣ на него путешественникъ невольно преклонитъ голову и рука его зашевелится на груди въ благоговѣйной молитвѣ....

Многіе изъ Московскихъ храмовъ и зданій являютъ собою воспоминаніе о какой-нибудь важной эпохѣ въ Русской Исторіи; основаніе *Донскаго монастыря* памятно также по весьма замѣчательному случаю для славы Русскихъ.

Династія основателя Россіи, Рурика, кончалась Царемъ Θеодоромъ Іоанновичемъ, сыномъ Грознаго; брату его, Димитрію, царственному младенцу, Провидѣніе готовило иной вѣнецъ; тогда, за слабостію въ правленіи Царя, кормило государства держалъ въ своихъ рукахъ Борисъ Годуновъ, шуринъ Θеодора, возвысившійся еще при Грозномъ бракомъ своимъ съ дочерью Малюты Скуратова. Предавая дѣла Бориса суду Божію, можно сказать, что онъ былъ не безполезенъ для Россіи, не имѣя еще полнаго самодержавія. Извѣстно, что при Іоаннѣ III-мъ, Великомъ, Татары утратили власть свою на наше отечество; внутренніе раздоры ихъ, какъ-бы заимствованные отъ нашихъ удѣльныхъ Князей, сила воли, политики и ума Іоанна, а болѣе десница Божія отстранили наконецъ лютыхъ враговъ отъ Россіи. Были попытки со стороны Татаръ возвратить власть свою — но тщетно. Въ Россіи являлись доблестные мужи, дѣйствовавшіе съ самоотверженіемъ къ жизни — и врагъ не разъ обращалъ тылъ, бѣгалъ отъ стѣнъ Московскихъ. Таковаго-же рода нападеніе со стороны Татаръ готовилось и при Царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ въ 1591 году.

Долго Россія не была тревожима внѣшними врагами, вдругъ разнеслась вѣсть, что Крымскій Ханъ, Казы-Гирей, условясь съ Шведскимъ Королемъ съ разныхъ концевъ напасть на Россію, съ многочисленными, дикими полчищами своими быстро спѣшилъ къ Москвѣ и достигъ уже до Тулы. Затрепетала Москва, такъ недавно еще залечившая раны свои. Къ бо̀льшему несчастію, силы ея были сосредоточены въ то время на Сѣверѣ, около Пскова и Новгорода, готовясь къ отраженію Шведовъ. Годуновъ, *во дни ужаса и скорби*, оказалъ испытанное, хладнокровное мужество: какъ правитель государства, онъ послалъ наказъ къ Князю Мстиславскому, стоявшему съ сторожевымъ войскомъ на берегахъ Оки, подступить къ Москвѣ; къ нему готовились присоединиться: царская дружина, многіе знатные дворяне и другіе охочіе люди. По гласу Годунова стремились вооружиться поголовно всѣ Московскіе гра̀ждане. Наскоро собранное войско отважно стало за бойницы, подъ защитою которыхъ могло оно удачно встрѣтить и проводить незваныхъ гостей, а Татары, кстати можно замѣтить, особенно боялись огнестрѣльнаго оружія. Русскіе, имѣя за собой все драгоцѣнное: и храмы святыхъ, и домы отцовъ, кровныхъ братій, женъ и дѣтей, должны были биться на̀-смерть.

На пространствѣ помянутыхъ нынѣшнихъ дорогъ, Серпуховской и Калужской, укрѣпили

Русскіе станъ свой (*); ограды мирныхъ обителей: Симоновской, Новоспасской и Даниловской, существовавшихъ уже въ то время, вооружены были тоже пушками; но главное мѣсто для битвы назначено было около Донскаго монастыря (тогда еще не существовавшаго), и тамъ поставили скинію во имя Св. Сергія съ иконою Донской Богоматери, Св. Заступницей Димитрія, которая сопровождала его на Куликово поле, гдѣ дерзкіе Ордынцы въ первый разъ почувствовали всю тяжесть меча Русскаго.

Устроивъ наскоро защиту, Царь съ Дворомъ своимъ, весь духовный сингклитъ, бояре и граждане собрались совершить около кремля и въ обозахъ, гдѣ поставили церковь во имя Св. Сергія — крестный ходъ. Величественна, умилительна и благоговѣйна была картина, когда подняли кресты, священныя хоругви, честныя иконы и съ стройнымъ пѣніемъ демественниковъ: «*Спаси Господи люди твоя*« открыли шествіе и стали окроплять бойницы и крѣпостныя стѣны св. водою, «да не занесетъ чрезъ нихъ лютый врагъ дерзкой ноги своей». Послышались рыданія; братья и друзья обнимались и прощались до замогильнаго свиданія; унылый звонъ церковныхъ колоколовъ

(*) На мѣстѣ древняго Воробьевскаго поля, по которому и станъ Русскихъ назывался Воробьевскимъ станомъ съ походною церковью.

оглашалъ окрестность.... 1-го Іюля, говоритъ Лѣтописецъ, прибылъ и Мстиславскій къ Коломенскому; скоро полки его вступили въ укрѣпленный станъ, за нимъ стекались всѣ сборныя дружины, появился Годуновъ съ своими охотниками и тѣлохранителями — наконецъ и самъ Царь, чтобы порадовать собою воиновъ и ободрить ихъ ласковымъ царскимъ привѣтомъ. Русская дружина всю ночь стояла на сторожѣ, непріятель близился, слышенъ уже былъ невнятный гулъ — и наконецъ утромъ первые лучи солнечные брызнули искристымъ дождемъ на копьяхъ вражескихъ, показались густыя толпы; самъ Ханъ остановился на Поклонной горѣ, пристально осмотрѣлъ укрѣпленія Русскихъ, и горя яростію и нетерпѣніемъ, подалъ знакъ. Уланы Царевичи Ханскіе и Мурзы съ многочисленной конницей помчались съ высоты — и съ гикомъ и воплемъ ударили на дружину Московскую; вдругъ зарокотали бойницы наши, дрогнула окрестность и закипѣла ожесточенная битва. Татары ловко дѣйствовали излучистыми саблями своими и длинными копьями; Русскіе стояли твердой стѣной, сжавшись плечомъ въ плечо и осыпали враговъ ядрами, пулями и тучами стрѣлъ. Крѣпостныя стѣны, башни и колокольни унизаны были Московитянами: одни молились, другіе ободряли осажденныхъ; изъ отворенныхъ храмовъ раздавалось пѣніе колѣнопреклоненныхъ священно-служителей; за стѣ-

нами ѳиміамъ благовонныхъ кадилъ стремился къ небу, внѣ стѣнъ дымныя пороховыя облака, какъ балдахины, висѣли и туманили воздухъ. Но эта битва была еще не главныхъ силъ. Ханъ съ отборною дружиною отступилъ на Воробьевы горы и неподвижно смотрѣлъ оттуда на гибельную сѣчу, издали лакомя взоры свои богатою Москвою; а Русскіе Воеводы: Годуновъ и Мстиславскій, также не трогались въ своемъ станѣ, сберегая запасное войско, въ ожиданіи нападенія самаго Хана. Бились нерѣшительно до самой ночи; она уже развела ожесточенныхъ. Песчаныя равнины оросились болѣе мусульманскою, нежели христіанскою кровію; множество Мурзъ и Князей непріятельскихъ взято было въ плѣнъ. Вожди Татарскіе отступили и держали совѣтъ: нападать-ли имъ опять на Русскихъ съ появленіемъ утра? — а Русскіе между тѣмъ вели и ночью непрерывную пальбу, такъ что земля стонала отъ трескучаго грома пушекъ ихъ.

Татары ясно видѣли, что Москвичи не уступаютъ имъ и пядени земли и смѣло готовятся на новую битву; къ тому же плѣнные наши, бывъ вѣрны долгу своему, отважно отвѣчали на распросы хана и подъ остріемъ меча увѣрили его, что стрѣльба, слышимая имъ, есть выраженіе восторга Русскихъ, по случаю прибытія Новгородскихъ и Псковскихъ дружинъ. . . .

Весело разыгралась заря на чистомъ небѣ, выводя за собою новый день; — солнце оза-

рило только трупы Татаръ, павшихъ наканунѣ. Ханъ, не дожидаясь дня, бѣжалъ съ нестройной толпой своей (*)..... Заликовала Москва: горожане веселыми толпами устремились въ станъ и восторженно привѣтствовали храбрыхъ защитниковъ своихъ; всѣ обнялись какъ братья и лобзали другъ-друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія; Іереи пѣли: *Тебѣ Бога хвалимъ;* церковные колокола громко возвѣстили всему городу побѣду надъ сопостатами торжественнымъ звономъ своимъ....

Царь Θеодоръ Іоанновичъ, въ благодарность заступничеству Матери Предвѣчнаго, воздвигъ на мѣстѣ походной церкви Св. Сергія небольшую каменную церковь Донской Богоматери съ келліями (**), указалъ новому мужскому монастырю именоваться *Донскимъ* и опредѣлилъ ему приличное содержаніе изъ доходовъ села Семеновскаго.

Третій Царь изъ Дома Романовыхъ, Θеодоръ Алексѣевичъ, памятный ревнитель религіи, изъ собственныхъ доходовъ построилъ трапезный храмъ въ 1640 году. Послѣ того сестра вѣнценосныхъ братьевъ, Іоанна и Петра, Царевна Екатерина Алексѣевна, въ 1684 году соорудила соборный зимній храмъ во имя *Донской Богоматери*, который мы видимъ теперь. Каменная

(*) Царь Θеодоръ, по окончаніи битвы, пророчески сказалъ: »завтра враговъ не будетъ здѣсь.«

(**) Существующую и донынѣ.

ограда этого храма была окончена уже въ исходѣ 17 столѣтія.

И послѣ того Донская обитель была обогащаема и украшаема многими вкладами какъ отъ царственныхъ (*), такъ и отъ иныхъ особъ большаго и малаго чина; къ ней было приписано до 7000 душъ. Теперь въ немъ находится шесть храмовъ, кромѣ придѣловъ и другихъ зданій и службъ. Современникъ Великаго Петра, блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, граматою своею сравнилъ Донской монастырь въ степени съ Иверскимъ Валдайскимъ. И самъ Великій Петръ, торжествуя рожденіе сына своего Петра, поручилъ обители молить Бога о сохраненіи дней новорожденнаго младенца. Слѣдующія царственныя особы питали также особенное благоговѣніе къ Донскому монастырю, и наконецъ онъ въ 1764 году возведенъ былъ въ 1-й классъ и наименованъ *ставропигіальнымъ*, т. е. причисленъ подъ непосредственное вѣдомство Святѣйшаго Сѵнода. Въ 1785 году украшенъ главный храмъ великолѣпною живописью.

1771-й годъ былъ ознаменованъ также весьма замѣчательнымъ событіемъ какъ для Донскаго монастыря, такъ и для всей Москвы.

Есть преданіе, что въ этомъ году весною изъ Константинополя привезли въ Москву на суконную фабрику къ каменному мосту шерсть, отъ которой будто распространилась зараза,

(*) И Грузинскіе Цари богато одаряли монастырь.

называемая у насъ *чумою*; сначала она казалась не такъ замѣтною: люди умирали и дѣды наши не постигали еще вполнѣ ужасной болѣзни (*); но въ Іюлѣ, а болѣе въ Августѣ, когда фабричные разбѣжались и разнесли болѣзнь по городу, начала она разливаться какъ пламень между жителями Москвы, и тогда-то признали страшную чужеземную гостью настоящею *чумою*.

Чадолюбивые Монархи наши и въ старину бдительно заботились о цѣлости и невредимости ввѣренныхъ имъ Богомъ подданныхъ. Подобный примѣръ предъ нашими глазами: въ памятный 1830-й годъ, когда Москву посѣтила болѣзнь, родная сестра чумы — *холера*, когда ее страшились сперва какъ заразительной болѣзни, когда друзья и родные чуждались другъ-друга, боясь заразы, — Императоръ нашъ не только заботился о прекращеніи этой болѣзни, но съ самоотверженіемъ къ жизни, Самъ, Своею Особою, спѣшно прибылъ въ Москву, лично обозрѣлъ дѣйствія Правительства и при себѣ отдалъ всѣ нужныя распоряженія. Забудетъ-ли кто эту, современную намъ эпоху!

Екатерина II-я, услыша о бѣдствіи Москвы, издала манифестъ о появленіи болѣни и приняла всѣ дѣятельныя мѣры къ прекращенію ея: учреждены были карантины (главный подъ

(*) Въ XIV вѣкѣ, при Симеонѣ Іоанновичѣ Гордомъ (сынѣ Калиты), чума была извѣстна подъ именемъ *черной смерти*.

Симоновымъ монастыремъ), присудственныя мѣста были закрыты, зачумленныхъ отдѣляли; но не смотря на все это, умирало до тысячи человѣкъ въ день. Страшное было время, говорятъ старожилы (нѣкоторые еще живы теперь и ясно помнятъ черную годину); Москва представляла собою полуживое кладбище, ворота запирали, на ставняхъ зачумленныхъ домовъ значились красные кресты, народъ умиралъ ходя; родные братья, дѣти отъ отцовъ и отцы отъ дѣтей бѣгали другъ отъ друга, боясь роковаго прикосновенія, отъ котораго прививалась смертная болѣзнь и была уже неотразима. Съ тѣхъ поръ и сохранилась у насъ пословица: *бѣжитъ какъ отъ чумы.* Кладбищъ было много (*); колодники и Фурманщики въ дегтярныхъ рубашкахъ и смоляныхъ шапкахъ ходили по улицамъ и по выморочнымъ домамъ, съ длинными крючьями, таскали трупы, валили ихъ во множествѣ въ телѣгу и вывозили за городъ; по перекресткамъ и площадямъ улицъ жгли навозъ, курили мозжевельникомъ, — вдругъ разнесся слухъ, что кто-то видѣлъ во снѣ икону Боголюбской Божіей Матери (**),

(*) Убогіе дома съ большими ямниками.

(**) Этотъ сонъ придумали: дьячекъ церкви Всѣхъ Святыхъ — съ однимъ отставнымъ солдатомъ, и когда Архіепископъ Амвросій приказалъ снять икону, а деньги, собираемыя за молебны, отдалъ въ пользу вновь воздвигнутаго Воспитательнаго дома, гдѣ онъ былъ Почетнымъ Опекуномъ, тогда злоумышленники распустили молву, что Пресвятая Богородица выходитъ изъ Москвы, и что Святители Московскіе просятъ Ее колѣнопреклоненно не покидать первопрестольнаго града и народъ — окаянныхъ грѣшниковъ.

которой отслуживши молебенъ, могли-бы больные изцѣляться. Народъ хлынулъ къ Варварскимъ воротамъ, на которыхъ находилась (и находится теперь) икона Богоматери; тутъ начались безпрерывные молебны; кучи народа сдвигались въ большія массы, и такъ какъ отъ большаго стеченія его, когда здоровые смѣшивались съ больными, могла болѣзнь распространиться, и когда отъ черни, коснѣющей въ невѣжествѣ, начались уже разныя неистовыя сцены, тогда Преосвященный Амвросій приказалъ снять икону съ воротъ, чтобы народъ разошелся. Чернь воспламенилась; Амвросію грозила опасность; безчинная толпа ворвалась въ Чудовъ монастырь, расхитила его имущество, также имущество многихъ дворянъ, бѣжавшихъ изъ Москвы отъ язвы. Генералъ-Поручикъ и Сенаторъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, прибывшій по повелѣнію Екатерины на помощь къ Московскому Главнокомандующему Генералъ - Фельдмаршалу Графу Петру Семеновичу Салтыкову, собралъ 100 человѣкъ Великолуцкаго полка и разогналъ чернь; но часть бунтовщиковъ, узнавши, что Амвросій скрылся въ Донскомъ монастырѣ, бросилась туда и отбила ворота. Амвросій въ то время стоялъ колѣнопреклоненный предъ жертвенникомъ и молился за враговъ своихъ.... При приближеніи очевидной опасности, его увлекли на хоры и спрятали тамъ; крамольники ворвались въ церковь, бросились повсюду отыскивать архі-

ерея, но тщетно; вдругъ какой-то мальчикъ увидалъ край одежды Преосвященнаго и указалъ на него неистовой толпѣ. Съ радостнымъ воплемъ бросились разъяренные и стащили Амвросія съ хоръ. Онъ безтрепетно сталъ убѣждать своихъ гонителей образумиться. Въ словахъ и взорахъ его было столько твердости и краснорѣчія, что толпа поколебалась; но какой-то дворовый человѣкъ Андреевъ ударилъ Преосвященнаго коломъ въ високъ; Московскій купецъ Иванъ Дмитріевъ послѣдовалъ его примѣру; Преосвященный упалъ безъ малѣйшей жалобы.... Тутъ его стали влачить по полу, истязать всячески и бить до тѣхъ поръ, пока онъ испустилъ послѣдній вздохъ уже внѣ церкви. Его извлекли изъ монастыря за ворота, чтобы не осквернить убійствомъ, какъ думали крамольники, святой обители. Это совершилось 16-го Сентября (*). Еропкинъ не поспѣлъ уже къ нему на помощь, но убійцы были пойманы и повѣшены на мѣстѣ преступленія предъ монастырскими воротами.

Тѣло Амвросія, пріявшаго мученическій вѣнецъ, покоится въ храмѣ Донской Богоматери.

Въ монастырѣ Донскомъ покоится прахъ многихъ знатныхъ фамилій, многихъ великихъ людей: тамъ могила М. М. Хераскова, поэта, вельможи и мецената, одного изъ достопамят-

(*) Тѣло его лежало непогребеннымъ три дня и на мѣстѣ убіенія долго находился памятникомъ крестъ, врытый въ землю.

ныхъ людей въ исторіи нашей литтературы. Онъ родился въ 1733 году; переходилъ многія почетныя должности; въ 1778 году былъ Куратором Московскаго Университета, а домъ его свѣтилищемъ современной литтературы; къ нему прибѣгали молодые писатели за совѣтами. Вспомнимъ, что подъ его руководствомъ образовались: *Богдановичь*, *А. А. Прокоповичь-Антонскій* и *Мерзляковъ*. Херасковъ основалъ и благородный пансіонъ при Университетѣ (*) Онъ въ свое время пользовался громкою славою. Про него сказалъ Дмитріевъ:

Пускай отъ зависти сердца въ зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, *Іоаннъ* щитомъ его покроютъ —
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Въ 1802-мъ году оставилъ онъ службу, въ чинѣ Дѣйств. Тайн. Совѣтника, а скончался въ 1807-мъ году, въ Москвѣ. Памятникъ надъ могилою его сдѣланъ изъ простаго камня; на мраморныхъ доскахъ его, по бокамъ, находятся: на одной обычный формуляръ покойника, на другой надпись:

Здѣсь прахъ Хераскова. Скорбящая супруга
Чувствительной слезой приноситъ дань ему;
Съ ней музы платятъ долгъ любимцу своему:
Имъ важенъ даръ пѣвца — мила ей память друга.

Изъ всѣхъ сочиненій его замѣчательнѣйшія двѣ эпическія поэмы: *Владиміръ* и *Россіяда*.

(*) Нынѣ Дворянскій Институтъ.

Кромѣ Хераскова, тамъ находятся могилы: А. П. Сумарокова, древнѣйшаго нашего драматурга, — Князя Якова Петровича Шаховскаго (ум. въ 1777-мъ году), супруги Графа Румянцова-Задунайскаго (урожденной Голицыной, ум. въ 1779 г.), Н. Н. Бантышъ-Каменскаго (ум. въ 1816 г.), Графа Тормасова, градоначальника Москвы; ветерановъ нашей словесности: Князя Ивана Михайловича Долгорукаго, Василья Львовича Пушкина (ум. въ 1831 г.) и Ивана Ивановича Дмитріева. Кто не знаетъ этихъ именъ? — Тамъ схоронены: извѣстный богачъ и острякъ Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ (давшій богатый вкладъ въ монастырь), Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Н. И. Масловъ, управлявшій Московскимъ и Петербургскимъ Воспитательными домами и Межевою Конторою, Генералъ Красновъ, убитый подъ Бородинымъ, ученый протопресвитеръ и кавалеръ Никольскій, Попечитель Дворцоваго Архитектурнаго Училища Тайный Совѣтникъ Дм. Мих. Львовъ.— И наконецъ тамъ покоится прахъ и Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, памятнаго Москвитянамъ! Между многими другими богатыми, величественными, золотомраморными мавзолеями, взоръ любопытствующихъ встрѣтитъ скромный памятникъ, поставленный товарищами на свою солдатскую копѣйку гренадеру Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка рядовому *Трофиму Иванову*, *въ воспоминаніе жизни его*,

ознаменованной вѣрностію, мужествомъ и честію. Здѣсь видится чистая признательность качествамъ покойника, здѣсь нѣтъ уже ни лести, ни пристрастія.... На верху памятника находится чугунное изваяніе солдатскаго кивера съ султаномъ, подъ стеклянным фонаремъ. Тихи и мирны жители Донскаго кладбища — могила сравняла всѣхъ. Вѣчная имъ память!

Отъ печальнаго обратимся къ торжественному и веселому: ежегодно 19-го Августа, когда празднуется день Донской Богоматери и побѣды надъ Татарами, бываетъ крестный ходъ изъ Кремля въ Донской монастырь. Это торжество установилъ еще Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ; при Самозванцѣ былъ ходъ прекращенъ, но со временъ Царя Алексѣя Михайловича, когда прогнали Татаръ отъ Курска, этотъ ходъ былъ опять возобновленъ и продолжается донынѣ.

И такъ въ торжественный день 19-го Августа бываетъ и гулянье около Донскаго монастыря: тамъ ставятся палатки съ пряничнымъ кондитерствомъ и съ разными овощами Русскаго климата. Въ этотъ день въ Донской монастырь на богомолье съѣзжается много людей, особенно къ вечерни; но тамъ встрѣтите вы болѣе патріархальныя, купеческія семейства, а не аристократовъ съ Арбата и Тверской.

Нужно-ли говорить, какъ богатъ Донской монастырь вкладами усердныхъ дателей? Благоговѣніе къ Донской обители питаютъ Московитяне еще изстари; тамъ болѣе двухъ столѣтій съ половиною совершаются молебствія о нашихъ Царяхъ, о крѣпости Русскаго Государства. Кто не слышалъ громкаго гласа Донскаго колокола, такъ торжественно, такъ звучно созывающаго на мольбу!

А кто не имѣлъ и не имѣетъ возможности насытить взоры свои оригиналомъ Донскаго монастыря, тотъ пусть посмотритъ на вѣрную копію его въ этой картинѣ; конечно, онъ не услышитъ стройнаго пѣнія священныхъ гимновъ, не увидитъ и внутренности великолѣпнаго храма, не окинетъ взоромъ богатой столицы гробовъ и могилъ; — но все-таки взорамъ его представится вся масса величественныхъ, торжественныхъ монастырскихъ зданій, и когда онъ вглядится въ нихъ — пусть воображеніе дополнитъ остальное....

МОНАСТЫРИ
ДОНСКОЙ И НОВОДѢВИЧІЙ.

2.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ.

Широко раскинулась Москва наша, а все растетъ и мужаетъ еще, какъ могучій богатырь. Каково пространство отъ Донскаго до Дѣвичьяго монастыря, или отъ Симонова и Крутицкаго до нынѣшняго Алексѣевскаго! Кстати можно замѣтить, что монастыри строились встарину за городомъ въ тихомъ уединеніи для иноковъ, въ родѣ пустынь. Тамъ былъ свой отдѣльный міръ, свои селенія и земли, и свои твердыни съ грозными бойницами. Много монастырей основалось въ Москвѣ во время Татарщины, особенно при Димитріѣ Донскомъ: *Чудовъ*, *Симоновъ*, *Зачатейскій*, *Старый Алексѣевскій* и *Спасо-Андроньевъ*, ревностію Св. Алексія Митрополита, котораго уважали и злые Ордынцы. Татары (*) и внутреннія междоусобія вынуждали многихъ уда-

(*) Извѣстно, что онъ единою молитвою своею исцѣлилъ жену Татарскаго Хана Чанибека Тайдулу отъ слѣпоты.

ляться какъ отъ смутъ мірскихъ, такъ и отъ опасностей. Монастыри были настоящія крѣпости: изъ бойницъ ихъ выглядывали пушки, и сколько мы видимъ примѣровъ, что иноки, въ опасныхъ случаяхъ, обращались въ воиновъ. Теперь Москва поглотила все свободное пространство, отдѣляющее городъ отъ монастырей и вдвинула многіе изъ нихъ внутрь себя, или сама подвинулась къ нимъ, обхватила ихъ крыльями тьмочисленныхъ зданій своихъ.

Пройдя *Зубово*, взоръ вашъ встрѣтитъ широкую скатерть *Дѣвичьяго поля*, обрамленнаго съ обѣихъ сторонъ прекрасными домами и домиками съ букетными садами. На немъ Цари Михаилъ Θеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ ставили шатры свои объ Масляной и Святой недѣлѣ во время гулянья; Царь Алексѣй Михайловичъ дѣлалъ на немъ смотры своимъ войскамъ; а въ наше время рѣдкій изъ Москвичей не помнитъ радостнаго событія, когда нашъ благополучно царствующій ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ, по случаю коронованія своего, угощалъ ликующій народъ царскою трапезою на Дѣвичьемъ полѣ. Чего тутъ не было! и фонтаны, бьющіе винами, и всякія яства медвянныя — цѣлые быки съ раззолоченными рогами, стоявшіе какъ живые, безграничные столы, мѣста для Вѣнценосныхъ Посѣтителей и для любопытствующихъ зрителей.—Чудное было зрѣлище!

Границею поля, какъ пріятный оазисъ, высится Новодѣвичій монастырь съ своими древними величественными храмами, съ своею высокою, стройною колокольнею, съ широкою оградою и огромными, прекрасными башнями. Всякій, не только подходя къ нему, но еще издали будетъ пораженъ обаяніемъ красоты, когда монастырь вдругъ разверзается предъ глазами, какъ дивная панорама (*).

Изъ числа Русскихъ городовъ, *Смоленскъ* есть одинъ изъ древнѣйшихъ: это бывшій городъ вольныхъ Кривичей Славянскаго племени. Долго былъ онъ Удѣльнымъ, самобытнымъ Княжествомъ, въ гибельное для Россіи время междоусобій; наконецъ подпалъ подъ власть Литвы и болѣе ста лѣтъ находился у ней въ плѣну. Сынъ Іоанна III-го Великаго, Василій, отнялъ родовой Русскій городъ у иноплеменниковъ и въ память этого событія построилъ въ благодарность Богу *Дѣвичій* монастырь въ 1525 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ Василій Темный провожалъ *за градъ два поприща* въ Смоленскъ, икону Богоматери Одигитріи (по Гречески путеводительницы), находившуюся въ

(*) За монастыремъ находится церковь Троица въ Лужникахъ, названная такъ вѣроятно отъ прекрасныхъ луговъ, разстилающихся до самаго берега Москвы-рѣки; тамъ же и Лужницкая застава. За гранью рѣки высятся исполинскія Воробьевы горы; видъ съ нихъ на монастырь, весь открытый предъ глазами, еще прекраснѣе: очарованнымъ глазамъ представляется будто рѣзная модель его, которую можно уставить у себя на столѣ и любоваться ею, какъ игрушкою.

Москвѣ со времени сына Донскаго Юрія. (Все это значится въ тетради, находящейся въ монастырѣ). Великій Князь Василій IV-й выдалъ для построенія монастыря 3000 р., которые цѣнились въ то время въ двадцать разъ болѣе нынѣшнихъ. Соборный храмъ монастыря освященъ былъ во имя Смоленской Богородицы (*) Одигитріи (копія съ иконы Смоленской снята была еще при Василіѣ III-мъ и при Преосвященномъ Митрополитѣ Іонѣ, когда Епископъ Смоленскій просилъ Великаго Князя, чтобы онъ отпустилъ икону обратно въ Смоленскъ); она съ великимъ торжествомъ, въ сопровожденіи всего освященнаго собора, перенесена въ новосооруженный храмъ 28 Іюля. Этотъ день празднуется и донынѣ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь. Первая настоятельница этого монастыря, схи-монахиня Елена, имѣла прозваніе: *Дѣвочкина*, о томъ значится и въ надписи на внѣшней церкви монастыря. По этому случаю полагаютъ и монастырь наименованъ *Дѣвичьимъ*. Есть еще преданіе (**), разумѣется, недостовѣрное, будто во время Татарщины *Баскаки* или Монгольскіе сборщики податей и вмѣстѣ соглядa-

(*) Послѣдній изъ Князей Смоленскихъ, Юрій, выгнанный Литовскимъ Княземъ Витовтомъ изъ своихъ владѣній, прибылъ въ 1404 году въ Москву и привезъ съ собою образъ Одигитріи.

(**) О собраніи дѣвицъ на Дѣвичьемъ полѣ писали иностранцы, а за ними, въ половинѣ XVI столѣтія, стали писать и Русскіе.

тан за нашими Вел. Князьями, собирая вмѣстѣ съ денежною данью особенную дань съ Россіи дѣвицами для отсылки ихъ къ своимъ Ханамъ, выводили на нынѣшнее Дѣвичье поле цѣлый легіонъ прекрасныхъ дѣвицъ и изъ числа ихъ дѣлали выборъ прекраснѣйшимъ, чтобы послать ихъ въ Золотую Орду, и съ того времени это поле будто и назвалось *Дѣвичьимъ*, а по немъ проименовался и монастырь. Не повѣримъ этому, читатели; грустно думать, чтобъ прадѣды наши дошли до такого униженія: они отдавали все сильнымъ врагамъ, даже сами шли въ кабалу, терпѣли всякія истязанія, но не униженіе; они были сами не хуже всякаго ревниваго рыцаря среднихъ временъ въ отношеніи къ женщинамъ, хотя почитали ихъ за домашній обиходъ и часто напоминали имъ право сильнаго. Это они переняли у Татаръ, но цѣломудренность цѣнилась у насъ всегда за важнѣйшую добродѣтель. Вѣроятнѣе всего, что этотъ монастырь, будучи назначенъ для обитанія дѣвицъ, и будучи новымъ, и названъ *Новодѣвичьимъ*.

Многія Царственныя Особы, питая благоговѣніе къ этому монастырю, имѣли къ нему особенное вниманіе: невѣстка Царя Іоанна Грознаго, Юліанія, жена брата его, Юрія, избрала Новодѣвичій монастырь пристанью жизни своей и постриглась въ немъ подъ именемъ Александры въ 1563 году; Державный родичъ ея, Царь Іоаннъ, устроилъ для

нея богатую келью и далъ въ монастырь большой вкладъ, а въ 1569 г. велѣлъ утопить ее въ рѣкѣ Шекснѣ. Упоминая объ Грозномъ, нельзя умолчать еще о важномъ событіи, случившемся въ его царствованіе и въ его присутствіи въ храмѣ Новодѣвичьяго монастыря. Кто изъ просвѣщенныхъ читателей не знаетъ, кто даже изъ простолюдинъ не слыхивалъ о качествахъ Іоанна IV, прозваннаго нашею Исторіею *Грознымъ*, а иностранцами *мучителемъ*? Не смотря на всѣ истязанія Россіи, особенно Москвы и Новгорода, причиненныя ей Царемъ Іоанномъ, не льзя отказать ему и въ величіи, свойственномъ вѣнценосцу. Еслибъ добрые зародыши тѣхъ врожденныхъ качествъ, которыя наслѣдовалъ онъ отъ Великаго дѣда своего, Іоанна III-го, получили и направленіе доброе, если бы юность его не была сопровождаема сценами крамолъ и убійствъ, происшедшихъ отъ зависти и злобы честолюбивыхъ бояръ и отъ матери его, Литвянки Елены Глинской, обуреваемой страстями, можетъ быть Россія видѣла бы въ Іоаннѣ представителя славы и величія своего; но память его притаила многое еще въ дѣтствѣ, и на этомъ-то воспоминаніи онъ основалъ свое грозное правленіе. Опять повторяю: не смотря на всю жестокость Іоанна, вѣкъ его имѣлъ свои блестящія эпохи: взятіе Казани и Астрахани (Татарскихъ гнѣздъ въ областяхъ Россіи), покореніе Сибири, ко-

торая одна составляетъ большую часть Европы; разгромъ Ливонскаго Ордена, этихъ латниковъ, этихъ гордыхъ, хищныхъ Нѣмецкихъ рыцарей — вотъ почему вѣкъ Грознаго былъ могущъ и славенъ. »Въ началѣ правленія своего, Іоаннъ, — пишетъ Лѣтописецъ, — былъ добръ и милостивъ; но когда кроткій ангелъ, первая супруга его, Анастасія, изъ дома Романовыхъ, покинула земный міръ и крамольные царедворцы оклеветали предъ Царемъ доблестныхъ мужей—Іерея *Сильверста* и ближняго боярина *Адашева*, Іоаннъ измѣнился: онъ сталъ недовѣрчивъ, подозрителенъ, окружилъ себя жестокими совѣтниками (между которыми особенно отличались Малюта-Скуратовъ и Князь Вяземскій) и тѣлохранителями, извѣстными подъ именемъ *опричниковъ.* Это было особенное сословіе: кто вступалъ въ званіе опричника, тотъ отрекался отъ отца и матери, отъ рода и племени; онъ представлялъ собою смѣсь духовнаго съ военнымъ, ходилъ въ длинномъ одѣяніи и въ черной татарской тафьѣ (скуфьѣ или ермолкѣ), которую не снималъ даже въ церкви. Однажды въ день храмоваго праздника Святымъ *Прохору* и *Никанору*, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, во время крестнаго хода по монастырской стѣнѣ, въ присутствіи Царя Іоанна Грознаго, Св. Филиппъ Митрополитъ, готовясь читать Евангеліе, нечаянно увидѣлъ близь себя одного опричника, который не только не снялъ тафьи своей, но и

стоялъ нечинно, — Святитель, въ праведномъ негодованіи, обратился къ Царю и гласно сталъ укорять его въ неуваженіи къ Святынѣ. Царь разгнѣвался; это была первая ссора Митрополита съ Царемъ. Въ послѣдствіи, какъ извѣстно, Митрополитъ много претерпѣлъ отъ гнѣва Іоанна и сосланъ былъ въ Тверскій Отрочь монастырь, гдѣ въ 1569 г. Малюта-Скуратовъ задушилъ Св. Пастыря. Малюта прибылъ къ Святителю подъ предлогомъ: просить благословенія; но Св. Пастырь проникъ его намѣреніе и, встрѣтивши его, сказалъ ему: »твори волю пославшаго тя« (*).

(*) Въ 1584 г., при Царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ, по просьбѣ Соловецкой братіи, Св. мощи Филиппа Митрополита перенесены изъ Тверскаго Отроча монастыря въ Соловецкій. Въ 1652 г., при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и при Патріархѣ Іосифѣ, по ходатайству и совѣту Новогородскаго Митрополита *Никона* (послѣ бывшаго Патріарха), Св. мощи Филиппа были принесены изъ Соловецкой обители въ Москву. Царь посылалъ за мощами, кромѣ духовенства, состоявшаго изъ Митрополита Никона, Архимандритовъ, Игуменовъ и Старцевъ, и свѣтскихъ Чиновъ: Боярина Князя Ивана Никитича Хованскаго, Дьяка Гаврилу Леонтьева, Стольниковъ, Стряпчихъ и Дворянъ Московскихъ. — Іюля 3 дня встрѣчены Св. мощи, въ концѣ Мѣщанской улицы, Царемъ, Патріархомъ и Священнымъ Соборомъ. На мѣстѣ, гдѣ поставлена была гробница и совершено молебствіе, въ послѣдствіи — поставленъ былъ большой деревянный *крестъ* и около его построена часовня, отъ чего Троицкая застава называется *Крестовскою*.

Недалеко отъ креста, Царь повелѣлъ соорудить храмъ во имя Св. Филиппа Митрополита, въ началѣ деревянный, потомъ въ 1686 г. каменный, который въ 1777 г. вновь перестроенъ и въ 1788 г. освященъ.

По смерти бездѣтнаго Царя Ѳеодора Іоанновича, супруга его, Ирина, сестра Годунова, удалилась въ Новодѣвичій монастырь и приняла чинъ ангельскій, не смотря на то, что покойный Царь завѣщалъ ей Державу свою. Годуновъ заключился съ нею. Между тѣмъ Россія осиротѣла, *престолъ вдовствовалъ*. Духовенство и Бояре отправились въ Новодѣвичій монастырь просить Годунова на Царство, но онъ рѣшительно отказался. Чрезъ нѣсколько времени собрались въ Кремлѣ чины изъ всего Государства Русскаго и опять избрали Годунова на Царство: тогда стали убѣждать его принять скипетръ по гласу не одной Москвы, но всего Государства. Годуновъ вторично отвергъ просьбу *искусителей*. Тогда уже чиноначаліе и народъ собрались на Красную площадь, рѣшили отслужить во всѣхъ церквахъ молебенъ и, не затворяя храмовъ, усердно молились всю ночь, и на другой день рано утромъ, при звукѣ колоколовъ, съ пѣніемъ, двинулась большая процессія въ Новодѣвичій монастырь. Патріархъ Іовъ и другіе Владыки сами несли честныя иконы, Владимірскую и Донскую, подъ прикрытіемъ священныхъ знаменъ-хоругвей; ихъ провожали: Дворъ, воинство, депутація прочихъ городовъ и безчисленныя толпы народа. Изъ Новодѣвичьяго монастыря вынесли на встрѣчу процессіи Смоленскую Богоматерь; Годуновъ слѣдовалъ за нею и палъ предъ иконами. Патріархъ поднялъ

его и вошелъ съ нимъ въ монастырскую обитель; за нимъ слѣдовали важнѣйшіе духовные и гражданскіе чины; народъ покрылъ собою все Дѣвичье поле. Патріархъ велѣлъ нести иконы въ келлію Царицы Ирины и поклонился ей до-земно; всѣ поняли безмолвную просьбу: вдругъ раздался общій гласъ и вопль, всѣ пали на колѣна предъ Царицей и повсюду послышались требованія, моленія о Царѣ. Іовъ слезно сталъ просить Царицу: дать Россіи въ Цари ея мудраго брата, именемъ Бога, именемъ Святой Церкви. Царица долго колебалась; наконецъ согласилась: »Такъ и быть! воскликнула она, возьмите у меня единороднаго брата! вручаю его Пречистой Богородицѣ, Святымъ Угодникамъ и вамъ — Святители и Бояре! да властвуетъ онъ надъ Россіею!«— Тогда Борисъ сталъ молить Державную сестру свою, съ рыданіемъ: позволить ему остаться на вѣки при ней. Онъ говорилъ, что никогда и въ мысляхъ своихъ не дерзалъ возноситься до такой высоты; но Царица настоятельно стала требовать исполненія воли Божіей: *Да будетъ воля Твоя, Господи!* воскликнулъ Борисъ. *Настави меня на путь правый и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ.* Тогда Патріархъ осѣнилъ будущаго Царя животворящимъ крестомъ и радостно, громогласно возвѣстилъ народу соизволеніе Бориса. Звучно выразился общій восторгъ: »Слава Тебѣ Господи!« послышались восклицанія по-

всюду; отъ келлій Царицы до Дѣвичьяго поля, всѣ обнимались, радостно плакали..... а Борисъ, прославляемый и лобзаемый народомъ, отправился въ храмъ и тамъ Патріархъ возгласилъ ему первое многолѣтіе.

Во все время царствованія своего Борисъ щедро одарялъ Новодѣвичій монастырь и часто бесѣдовалъ тамъ съ сестрой своей, совѣтуясь съ нею о важныхъ дѣлахъ государственныхъ; быть можетъ тамъ онъ исповѣдалъ душу свою и только нѣмыя стѣны тѣсной келліи Новодѣвичьяго монастыря слушали то, что до сихъ поръ не разгадаетъ Исторія наша.

Во времена Василія Шуйскаго и междуцарствія (семибоярщины) Новодѣвичій монастырь много пострадалъ; его обратили въ крѣпость: тамъ запирались то враги, то защитники отечества; онъ былъ выжженъ и разоренъ святотатственною рукою Поляковъ, особливо въ 1611 году; нынѣшнія зданія воздвигнуты не ранѣе конца 17-го столѣтія. Первый Царь изъ благословеннаго дома Романовыхъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, одарилъ богато монастырскую обитель; тамъ пребывали нѣкоторыя изъ дочерей Царя Алексѣя Михайловича и потѣшались перезваниваніемъ колоколовъ, что продолжалось въ воспоминаніе объ нихъ и гораздо послѣ, обыкновенно вечеромъ въ 6 часовъ; объ томъ сохранилось и преданіе (*). — Теперь приступимъ къ од-

(*) Въ царствованіе Екатерины II-й Митрополитъ Платонъ, бывъ на служеніи недалеко отъ Дѣвичьяго монастыря, ос-

ной изъ важнѣйшихъ эпохъ Новодѣвичьяго монастыря.

Когда нашъ Великій Петръ былъ еще малолѣтнымъ и только предвозвѣщалъ изъ себя могучаго генія, когда еще въ высокомъ умѣ его былъ только зародышъ мысли пересоздать Россію и вдвинуть ее въ Европу на видный пьедесталъ, тогда старшая сестра его, Софія, умная, прекрасная, но хитрая и властолюбивая Царевна стремилась къ Самодержавію. Со стороны старшаго брата Іоанна, хотя добраго, но слабаго, недальновиднаго, больнаго, она не видѣла препонъ; но юный Петръ, отъ котораго она всячески удаляла и прививъ благодѣтельнаго образованія и прямонаслѣдственный престолъ, былъ ей опасенъ. Святый Промыслъ, пекущійся о Россіи, не разъ отводилъ руку убійцъ отъ юнаго Петра; особенно разителенъ примѣръ бодрствованія Божіяго перста надъ помазанникомъ Своимъ: когда Петръ, по совѣту ближнихъ, благонамѣренныхъ своихъ Бояръ,

тался обѣдать и пить чай у одного вельможи; въ 6 часовъ пополудни услышалъ онъ трезвонъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, безъ предварительнаго благовѣста, и притомъ въ неопредѣленные часы для вечерни и для всенощной. Онъ тотчасъ послалъ въ монастырь узнать о причинѣ трезвона. Ему донесли, что эти трезвоны, какъ обычай, продолжаются болѣе 40 лѣтъ, въ воспоминаніе того времени, когда въ Дѣвичьемъ монастырѣ жили Царевны и Царица Евдокія, и когда онѣ, отдохнувъ послѣ вечерни, прохаживались по стѣнамъ монастыря, тогда въ честь ихъ звонили на колокольнѣ. На другой день Преосвященный наслалъ приказъ въ монастырь о прекращеніи несвоевременнаго трезвона.

удалился отъ возмутившихся стрѣльцовъ въ Троицкую Лавру, толпа неистовыхъ, подъ предводительствомъ стрѣлецкаго Головы Хованскаго (любимца Софіи) ворвалась за Царемъ въ самый храмъ, одинъ изъ ожесточенныхъ убійцъ поднялъ уже на него руку—и вдругъ обаяніе непостижимаго страха оковало ее. Петръ былъ спасенъ, убійцы схвачены, и когда началось слѣдствіе и достодолжное наказаніе, однажды въ ноги Царю бросилась старуха—вдова (*), умоляя его простить хотя одного изъ троихъ ея сыновей, замѣшанныхъ въ числѣ заговорщиковъ-стрѣльцовъ; великодушный Петръ внялъ ея умоляющей просьбѣ, и далъ ей на выборъ спасти отъ казни любаго изъ сыновей; она выбрала: то былъ меньшой, любимый ея сынъ, но она не знала того, что онъ-то самый и дерзнулъ поднять убійственную руку на своего Царя. Цѣпи спали съ преступника, онъ уже занесъ ногу съ тюремнаго порога на свободу — но вдругъ палъ мертвый къ ногамъ матери. То былъ *судъ Божій*.

Наконецъ Петръ сдѣлался единодержавнымъ; властолюбивая сестра его была уличена въ заговорѣ на жизнь Царя своего и брата, заключена по повелѣнію его въ Новодѣвичій монастырь и пострижена тамъ подъ именемъ Сусанны (**). Петръ, имѣя цѣлію образовать

(*) Исторія сохранила ея имя: то была вдова *Лихончина*.

(**) Она скончалась схи-монахиней въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ 1704 году и похоронена тамъ.

Россію, отправился путешествовать. Софія воспользовалась его отсутствіемъ: она тайно сносилась съ приверженцами старыхъ обычаевъ; стрѣльцы, сосланные на границы, мятежно подходили къ Москвѣ; но блюститель столицы, вѣрный любимецъ Петра, Генералъ Гордонъ, собралъ на-скоро отрядъ новообразованнаго войска, мужественно встрѣтилъ бунтовщиковъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ и разбилъ ихъ на̀-голову. Между тѣмъ Петръ былъ увѣдомленъ о грозящей опасности: онъ спѣшно прибылъ изъ Вѣны въ Москву, но туча уже разсѣялась. Полторы тысячи стрѣльцовъ были казнены, а 230 главнѣйшихъ повѣшены передъ самымъ монастыремъ въ виду Царевны; трое-же, которые писали къ ней просьбу о принятіи короны, качались со свитками въ рукахъ предъ самыми окнами ея келліи (*). Послѣ того Государь прибылъ къ ней съ Лефортомъ и, дѣлая ей строгій выговоръ, прослезился. Царевна защищалась умно и краснорѣчиво. Петръ искренно сожалѣлъ, что, при умѣ и красотѣ ея, у нее такое злое сердце. Въ Новодѣвичій монастырь была переведена изъ Вознесенскаго (**) и первая супруга Петра, Евдокія Ѳеодоровна, изъ дома Лопухиныхъ,

(*) Старожилы видѣли въ стѣнахъ Новодѣвичьяго монастыря и бревны, на которыхъ были повѣшены Стрѣльцы.

(**) Пострижена въ 1696 г. въ Суздалѣ, въ Покровскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ; а въ Вознесенскомъ монастырѣ жила временно, при внукѣ своемъ Петрѣ II-мъ, и имъ переведена въ Дѣвичій.

въ 1727 году, и скончалась тамъ въ 1731 году.

Наконецъ во время Европейской войны, въ памятный 1812-й годъ, войска Наполеона жили въ Новодѣвичьемъ монастырѣ во все время пребыванія своего въ Москвѣ. Строгость и бдительность Французскихъ Генераловъ, жившихъ въ монастырѣ, къ чести ихъ сказать, сохранили монастырь отъ конечнаго разоренія (*). Внутри и внѣ монастыря, на могильныхъ камняхъ, даже въ храмахъ, солдаты устроили свои биваки; но къ этому привела ихъ необходимость: ихъ было много, а Москва являла собою огненное море; въ ней жить было опасно: волны пламени, докатываясь до Дѣвичьяго поля, только тамъ угасали. Монастырь былъ защищенъ и дальнею мѣстностію своею и строгимъ надзоромъ и присутствіемъ начальниковъ. Съ дозволенія Неаполитанскаго Короля въ соборномъ храмѣ монастыря про-

(*) Въ 1812 г. святыя вороты Новодѣвичьяго монастыря были закладены пескомъ, съ глиною и бревнами; передъ ними впереди сдѣланъ былъ парапетъ (валъ) для защиты воротъ батарейными орудіями.

Подлѣ юговосточной стороны Дѣвичьяго монастыря до 1812 г. находилась небольшая каменная церковь во имя Св. Іоанна Предтечи, которую Французы подорвали порохомъ при выходѣ арріергарда изъ Москвы 11 Октября. — Вмѣсто этого храма, усердіемъ Московскаго купца Милюкова, сооружена, близь стараго мѣста храма, новая церковь во имя *Седьмаго Вселенскаго Собора*, съ придѣломъ Св. Іоанна Предтечи. Эта церковь начата 1818 г. и освящена въ 1824 г.

исходила даже Божественная служба. Однажды самъ Наполеонъ со свитою своею пріѣзжалъ осматривать монастырь, и онъ оцѣнилъ драгоцѣнный памятникъ нашей старины, нашей Исторіи: подъѣзжая къ монастырю, любовался онъ особенно на монастырскую ограду съ высокими и красивыми башнями ея (*).

Неблагодарно было бы не упомянуть здѣсь кстати и о почтенной монахинѣ Новодѣвичьяго монастыря, *Сарры Николаевны*, которая во время пребыванія въ немъ Французовъ была оберегательницею его. Ни чѣмъ ненарушимое спокойствіе монастыря было отчасти слѣдствіемъ ея твердости, самоотверженія и благоразумія. Она внушила врагамъ нашимъ такое къ себѣ уваженіе, что ни одна изъ просьбъ ея не оставалась тщетною. Непріятели предъ выступленіемъ своимъ изъ Москвы объявили ей за секретъ, что скоро будетъ у нихъ жаркое сраженіе съ Русскими, и совѣтовали ей удалиться; но она еще съ нѣсколькими старушками-монахинями осталась, предавая себя покровительству десницы Божіей. 9-го числа Октября Французы вышли изъ Москвы даже безъ выстрѣла. Всѣ оставшіяся монахини возблагодарили Бога, и Сарра Николаевна, увидя на монастырскомъ дворѣ зажженные фитили, которые проведены были къ церковнымъ подваламъ, наполненнымъ порохомъ, съ спокойною

(*) Встарину въ одной изъ этихъ башенъ была церковь Святителя Николая.

твердостью созвала своихъ сожительницъ и начала съ ними гасить и заливать фитили. Онѣ проникли даже въ самые подвалы, и тамъ приняли всѣ мѣры предосторожности противъ огня. Чрезъ это монастырь былъ сохраненъ отъ взрыва. Наконецъ явились летучіе отряды казаковъ и совершенно успокоили смиренныхъ героинь. Тамъ, гдѣ изъ-за ограды виднѣются кельи настоятельницы, обитала нѣкогда Софія. Сколько мечтаній о быломъ запросится въ душу при одномъ взглядѣ на это мѣсто! И вотъ мы опять воротились къ Софіи. Она покоится въ соборномъ храмѣ подъ чернымъ покровомъ схи-монахини у южной стѣны; тамъ же находятся гробницы: Вел. Княжны Анны Іоанновны (дочери Царя Іоанна, крещенной въ Новодѣв. монастырѣ), дочерей Царя Алексія Михайловича Евдокіи и Екатерины, Царицы (въ инокиняхъ Елены) Евдокіи Ѳеодоровны (супруги Петра). Соборный храмъ огроменъ и великолѣпенъ; въ немъ находятся три придѣла: въ южныхъ дверяхъ, въ алтарѣ, *Чуда Архистратига Михаила*, на той же сторонѣ *Мученицы Софіи* и трехъ дщерей ея: *Вѣры*, *Надежды*, *Любви*, и со входа съ переднихъ воротъ на паперти— Апостоловъ и Діаконовъ *Прохора* и *Никанора*. Кромѣ того въ монастырѣ находятся еще слѣдующія церкви: бывшая трапезная о двухъ этажахъ; внизу *Успенія Пресвятой Богородицы*, а вверху *Сошествіе Св. Духа*. Церковь *Амвросія*, Епископа Медіоланскаго, больничная,

Апост. *Іакова Алфеова*, устроенная въ память 1812 года за избавленіе монастыря отъ враговъ (въ день Іакова, 9 Октября). Церковь въ колокольнѣ, внизу, во имя Пр. *Варлаама* и *Іоасафа* Царевичей; въ средней части колокольни была еще церковь *Евангелиста Іоанна Богослова*, теперь же она составляетъ придѣлъ въ трапезной церкви; на святыхъ воротахъ находится церковь *Преображенія Господня*, а на противоположныхъ *Покрова Пресвятыя Богородицы*. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ находится первая копія Иверской Божіей Матери.

До учрежденія духовныхъ штатовъ, было за монастыремъ слишкомъ 14 тысячъ душъ. 28 Іюля бываетъ въ Новодѣвичій монастырь крестный ходъ изъ Кремля, а на Дѣвичьемъ полѣ многолюдное гулянье; тамъ также разставляются шатры, православный народецъ застилаетъ собою поле; тамъ мѣстность позволяетъ двигаться цѣпи экипажей, не только купеческихъ, какъ въ Донскомъ монастырѣ, но и грандіозныхъ; тамъ увидите вы въ этотъ день градацію экипажей отъ двух-колесныхъ въ Англійскомъ вкусѣ до простой скрипучей возницы съ доморощенными продуктами; тамъ носятся курцъ-галопомъ и Московскіе денди съ лорнетами, хлыстами, гривами, усами, шпорами и съ прочими принадлежностями европеизма; тамъ порхаютъ въ летучихъ фаэтонахъ и живые оранжерейные цвѣтки аристократи-

ческихъ домовъ, въ платьяхъ легкихъ какъ эфиръ, въ строусовыхъ перьяхъ, какъ райскія птички—и благословенная бородка пробирается на *колиберныхъ* своимъ путемъ-дорогою, тамъ — да мало-ли чего тамъ не увидите: пусть любопытствующіе посмотрятъ сами.
